

П.В. Седов
(Санкт-Петербург)

**«В соборе и у владыки был в венгерском платье»
(перемены в одежде новгородцев
в конце XVII – начале XVIII в.)**

Перемены в одежде на рубеже XVII–XVIII веков справедливо считаются одним из символов петровских реформ, хотя до сих пор отсутствует комплексное монографическое изучение этой темы. Исследователи рассматривали распространение нового платья преимущественно как факт истории быта и в меньшей степени анализировали его как явление культуры¹.

Между тем реформу невозможно оценить без учета того, что современники думали и говорили о новой одежде и даже чувствовали, но не смели сказать. Для решения такой сложной задачи требуется, как минимум, два условия: наличие новых нарративных материалов и поиск вопросов, с помощью которых исследователь пытается «разговорить» используемые источники.

В монастырских архивах отложилась переписка между настоятелем обители и его представителями в столице и других городах. В данной работе будет использована такая переписка между властями Валдайского Иверского и Успенского Тихвинского монастырей и их представителями в Москве и Новгороде в конце XVII – начале XVIII века, а также приходо-расходные книги этих обителей.

Следует иметь в виду, что письма монастырских стряпчих были отчетами о проделанной работе, за которую они получали жалование. О полученных новостях или собственном положении они писали, в первую очередь, под этим углом зрения. Вовремя сообщенная новость, даже если она выходила за пределы их непосредственной компетенции, служила к чести монастырского стряпчего. Со своей стороны монастырское начальство понукало своих слуг к более результативной работе, пеняло подчиненным на их промахи, придирчиво следило за расходом монастырских средств.

Переписка как исторический источник обладает уникальным свойством: адресаты обмениваются не только текстами, но и смыслами, которые читаются в том случае, если известен контекст общения. Недомолвки, умолчания или, напротив, повышенное внимание к отдельным сюжетам содержат информацию, очевидную для участников переписки, но скрытую для постороннего глаза.

В монастырской переписке второй половины XVII века традиционная московская одежда воспринималась как завещанная от предков константа. Вот автор послания случайно обмолвился об одежде, даже не о ней самой, а упомянул ее к слову. В 1669 году иверский старец Досифей так сообщил о том, что их противник в судебном иске отстал от дела: «видя свою неминуемую, что не делом бил челом, однорядку назвав сарафаном»². Другими словами, перепутать однорядку с сарафаном невозможно. Однорядка – это всегда однорядка, а сарафан до конца времен пребудет сарафаном.

Во второй половине XVII века именно однорядка была наиболее распространенным видом верхней старомосковской одежды, поэтому подразумевалось, что обычная верхняя одежда – не иначе как однорядка. В 1668 году дьяк новгородского митрополита пригрозил, что заставит представителя Иверского монастыря дать ответ в спорном деле: «сняв де однорядку, да бив, заставим отвечать»³. В последней четверти XVII века, на протяжении жизни всего одного поколения, однорядка попала в число запрещенной одежды и постепенно вышла из обихода. Старшие современники петровской реформы уже были свидетелями заметных перемен во внешнем виде еще до того, как Петр I начал свою реформу⁴.

Наиболее зримым отличием платья московских людей от одежды западных соседей была ее длина. В Московском государстве короткая одежда по колено и даже по середину лодыжки воспринималась как чужеродное явление. Короткие польские чекмени, разного рода полукафтаны были в ходу, но их публичное ношение на улице еще оставалось за пределами приличий. В судном деле Успенского Тихвинского монастыря 1671 года об избииении местного дьячка в качествеотягающего обстоятельства при обвинении фигурировала следующая деталь: его били, выйдя «на большой мост нарочком налегко в одних полукафтаных, кушаками потпоясавши

нахально»⁵. Нападавшие действительно дерзко, на самом людном месте, избивали человека, и нахальство их поведения усиливалось вызывающей небрежностью их внешнего вида: поверх коротких кафтанов они не носили длиннополых однорядок или охабней. В своей челобитной пострадавший недаром указал на этот факт: человек в коротком кафтане уже одним своим видом нарушал приличия и не заслуживал доверия окружающих.

Вторая половина XVII века отмечена двумя противоречивыми тенденциями. Русские люди считали иноземную одежду чужеродной и одновременно проявляли к ней интерес. Вплоть до конца столетия мы не находим случаев полного отказа от русского платья. Западное влияние шло через присоединение иноземных элементов к традиционной русской одежде. «Польская» нашивка на кафтан, «немецкая шляпа» меняли традиционный внешний вид жителя Московского государства, но в целом его платье оставалось «русским». В 1668 году в Новгороде были куплены за 1 руб. 20 коп. «две шляпы немецкие черные, <...> и те шляпы отданы казначею Исакию да старцу Памое»⁶. В июле 1677 года строителю иверского подворья в Новгороде была куплена «немецкая белая шляпа» за 1 руб. 80 коп.⁷.

В 1685 году иверский архимандрит писал на новгородское подворье, что «приехав с Москвы владыки государя дьяк Андрей Сназин и говорил вам, что рекся ему в Ъверском монастыре, как он ехал к Москве, подарить шляпкою, что мне даровал свейской полномочной посол. И ныне мы, архимандрит, по обещанному тое шляпочку и на венок тое шляпочки десять яфимков к нему Андрею Венедиктовичю посылаем»⁸. Как видим, шведскую шляпу было незастенчиво носить даже дьяку самого новгородского митрополита, равно как и подарить ее от лица святой обители.

Иноземная шляпа в данном случае была не отказом от русского обычая вообще, а заметным дополнением к традиционной одежде, способом выделиться и тем самым подчеркнуть свой особый, высокий, статус. Той же цели должны были служить и привезенные к шляпе десять ефимков. Новомодная шведская шляпа, которую еще недавно носил протестант, превратилась в предмет гордости его нового владельца. Влиятельный слуга новгородского владыки не боялся расспросов, а напротив, ждал их, ведь он стано-

вился центром внимания, к чему, надо думать, и стремился. Редкая для русских людей того времени деталь одежды выражала индивидуальность хозяина. Такое демонстративное отступление от традиции предвещало ее последующие изменения.

Насколько неслучайным был подарок иноземной шляпы иверскому архимандриту Иосифу свидетельствует следующий факт: в апреле 1687 года он повелел стряпчему новгородского подворья, «купив, прислать к нам самых нарочитых пять шляпок немецких французских ради хлопцов наших архимандричьих келейных». Однако таких головных уборов в Новгороде не оказалось: «а шляпок малых добрых французских у нас в городе не сыщешь, нежели добрых, и плохих нет. И о шляпках как вы, государи, изволите, будет вам надобны нужно, и мы торговым людем прикажем из-за рубежа прислать», – писали с новгородского подворья⁹. В том же месяце иверскому архимандриту купили в Москве «перщатки добрые немецкого дела» за 1 руб. 20 коп.¹⁰. Принято считать, что духовенство было решительно против иноземного платья. Как видим, здесь бывали и исключения.

Эти постепенные перемены подготовили более решительную реформу при Петре I. В отличие от предшествующих лет, петровские указы требовали полной перемены платья: теперь его нельзя было укоротить или добавить к прежнему, а нужно было именно шить новое.

Монастырские документы дают редкую возможность проследить распространение венгерского платья по царскому указу в Москве и Новгороде. Сам указ состоялся 4 января 1700 года, а уже 25 января того же года стряпчий Успенского Тихвинского монастыря в Новгороде отписал своим властям: «московских вестей новых о службы не слышать, только ожидают указу государского вскоре о пременении русского мирского платья: велено строить венгерское. Воевода еще старой, а новой не приезживал, ожидают в Новгород генваря к 26-му числу. Псковской во Псков проехал и в соборе и у владыки был в венгерском платье»¹¹. Новый псковский воевода стольник В.П. Лодыгин, явившийся в Софийском соборе в новоуказном платье, очевидно, был в этом же венгерском кафтане и на отпуске из Москвы. Он привез известие о перемене платья раньше, чем прибыл сам указ, который, надо думать, вез в Новгород

новый воевода боярин князь И.Ю. Трубецкой. Возможно, поэтому и стряпчий Валдайского Иверского монастыря в Новгороде ни словом не упомянул о новоуказном платье, ведь официально указ здесь еще объявлен не был.

1 февраля 1700 года тихвинский стряпчий, сообщая о приезде нового новгородского воеводы, добавил: «А ныне подходят гульные и прохладные дни, воевода в приказе и приказные люди в приказах сесть и дел делать не будут. А московских вестей новых ничево не слыхать, и боярин князь Иван Юрьевич Трубецкой грамот ни о чем еще не объявил»¹². Иверский стряпчий также обшел вниманием привезенный Трубецким новый указ об одежде.

Можно предположить, что на Масленице князь И.Ю. Трубецкой не стал тревожить подвластное ему население немедленным введением иноземного платья и вообще в первые дни своего воеводства делами занимался мало. Царский указ о венгерском платье рано или поздно был, разумеется, объявлен, но новгородцы не восприняли его как немедленную перемену одежды, и дело пошло, как это принято на Руси, в протяжку.

Письма иверского стряпчего Антипа Тимофеева из Москвы сообщают детали распространения венгерского платья в столице. В начале мая 1700 года он просил выплатить ему причитающееся жалование и мотивировал это, в частности, необходимостью менять одежду: «Да ныне по указу великого государя велено всяких чинов людям делать венгерское платье. А мне, работнику вашему, купить того платья не на что. А без того платья пробить некоторыми делы невозможно. А есть ли такова платья не зделать, и от того опасно великого государя пени и наказания, так же какое наказание было, которые люди носили с кольцами ножи, и за то биты кнутом»¹³.

Не успели москвичи и новгородцы примерить на себя новые венгерские кафтаны, как последовал очередной царский указ о ношении в теплое время французского, а в холодное время – немецкого платья.

В марте 1701 года Антип Тимофеев вновь просил выплатить ему жалование в связи с новой реформой одежды: «Ныне по указу великого государя велено на Москве по образцом мужское и женское платье делать французское. И мне, работнику вашему стало

вновь делать не из чего и купить не на что. А которое старое платьишко у меня, работника вашего, и было, и то все приносилось, а иное переделано на венгерской покроей, да и то приносилось же. А без французского платья ныне к празднику Светлому Христову воскресению, мне, работнику вашему, и женишке моей пробыть будет некоторыми делы невозможно, а купить стало не на что»¹⁴.

В случае с А. Тимофеевым быстрая смена венгерского платья на французское препятствовала утверждению новоуказной одежды. У большинства людей невеликого достатка был один выходной кафтан, который в холодное время утеплялся шубой или иной верхней одеждой. Такой кафтан носили годами, и его перелицовка на новый покрой еще более сокращала срок его службы. Один раз перешив свою одежду на венгерский лад, горожанин по скудости средств вообще мог оказаться без приличного выходного платья. О немецком кафтане к холодному времени пока и думать было нечего.

Антип Тимофеев не высказывал своего негативного отношения к петровским указам об одежде, но его заботила необходимость раскошелиться. Стряпчий настойчиво просил помочь ему обзавестись новым гардеробом, ведь без этого он не смог бы выполнять свои служебные обязанности. Дело упиралось в деньги, которых в годы Северной войны у населения катастрофически не хватало. Военная пора вообще не самое лучшее время для пошива новой одежды. Иверский стряпчий не ругает и не хвалит петровскую реформу, вместо него этим активно занимаются историки. Его отношение к нововведению двойственное, но иного плана. Стряпчего занимает не оценка перемен, а то, как ему с ними справиться. При таком взгляде на петровскую реформу она утрачивает исключительно государственный характер и получает человеческое измерение, которое и определит, в конечном счете, ее судьбу.

Суровые меры против старомосковской одежды принимались накануне праздничных дней, когда на это особенно обращали внимание. 29 апреля 1701 года на новгородском подворье Иверского монастыря было куплено сукно «на кафтан» монастырскому подьячему Лаврентию Афанасьеву к празднику Пасхе¹⁵. Здесь было много показного, а, значит, внутренне необязательного для участников этого представления.

В 1701 году иверский стряпчий сообщил о личном участии Петра I в изменении внешнего вида новгородцев: «Октября 7-го числа великий государь изволил кушать на именинах у Сергея Лапшинского, и в то число у Саввы Боровитинова бороду выстригли, и у Богдана Неелова, и у Якова Лапшинского, в доме у Якова»¹⁶. Под горячую царскую руку попались приказной новгородского митрополита Савва Боровитинов и владычный стряпчий Яков Лапшинский, а также местный дворянин Богдан Неелов. Возможно, с этой историей, которую все обсуждали, и началось реальное преследование бород здесь – два с половиной года спустя после объявления указа в Москве. Частые наезды Петра в Новгород постепенно меняли внешний облик тех, кто попадался ему на глаза. Возможно, Петр нагрязнул на именины внезапно, он всюду был у себя как дома и по-хозяйски распорядился в чужих хороммах.

В апреле 1702 года иверский стряпчий писал из Новгорода в монастырь: «Да ныне, государь, прислан с Москвы в Новгород указ великого государя о платье, чтоб кончае всякого чину люди носили ныне французское, а зимою саксонское, а сроку дано только сего ж апреля со 14-го числа впредь на две недели, а кончае на месяц русское платье носить»¹⁷.

5 апреля 1703 года на новгородском подворье Иверского монастыря купили «французской серой кафтан для носки служебником» за 25 коп.¹⁸. Любопытно, что дешевый, судя по цене, кафтан был куплен не конкретному человеку, а вообще «служебником», которые, покидая подворье, должны были облачаться в единственную на всех новоуказную одежду, а у себя дома продолжали ходить в старом платье.

В августе 1703 года иверский стряпчий сообщал с новгородского подворья: «Ныне, как приехал генерал Яков Вилимович (Брюс. – П. С.), и сказал государев указ немногим нарочитым людям, чтоб с бородами и в русском платье не ходили, потому что де давно сказано новгородцам, и оне де упрямы. И таким де непослушным указал государь поставить по роты салдат и поить и кормить ему своим. А мне, послушнику вашему, и монастырскому служебнику такого платья купить не на что»¹⁹. Уже пятый год в стране действовал царский указ о перемене русского платья, но многие новгородцы нехотя меняли свой внешний вид. Они посещали хра-

мы и новгородский кремль в старомосковском платье, ежедневно являлись в таком виде перед воеводою и прочим местным начальством, которое и само-то продолжало носить бороды, пока Петр самолично не выстриг их у дьяков новгородского владыки.

Как мы видели, некоторые новгородцы задолго до петровских указов носили кое-что из «немецкого» платья. Но вряд ли даже их радовала обязательная всеобщность и директивность указов сверху. Во все времена люди не упускают случая выделиться своей одеждой среди прочих либо в рамках традиции, либо вопреки ей. Но у человека может и пропасть такое желание, если его грубо подталкивать в спину и грозить постоем роты солдат в случае неповиновения.

Отношение подданных к жестким действиям Петра было различным. Для виду все повиновались, но между собой многие осуждали нововведения. Эти смыслы, выраженные в монастырской переписке, представляют наибольший интерес. Архимандрит Успенского Тихвинского монастыря Боголеп не смел открыто осуждать указы Петра I и в челобитных царю всячески выставлял себя поборником государевой воли. Когда тихвинские монахи составили извет на своего пастыря, то Боголеп уличал своих недругов тем, что те нарушили царский запрет монахам держать в кельях перо и бумагу. Про себя же архимандрит думал несколько иначе, как это видно из следующей его отписки новгородскому митрополиту Иову 1704 года.

В начале Северной войны тихвинский посад оказался во власти нескольких чиновников, присланных для сбора разных податей. Среди них был «матроз» Григорий Скорняков, который собирал средства для корабельной верфи в устье реки Сяси. Монастырские власти теряли традиционное влияние на тихвинских посадских людей и вели с «матрозом» отчаянную войну. В июне 1704 года старец Сергей, «монастырской наш церковной крилоской первопевец», как умилительно назвал его архимандрит Боголеп, выйдя за монастырские ворота, был изувечен до полусмерти. Вслед за тем «иеродиякона Тихона в том же посаде били и платье с него пограбили, и матроз Григорей Скорняков того иеродиякона Тихона платье перешил себе на немецкие юпки, тако ж де монаха Иону били, <...> и от такова их насильного воровства сами себе не ведаем как живых нас Бог соблюдет»²⁰.

Боголеп искал защиты у митрополита и был уверен в том, что его выпад против «немецких юпок» будет с сочувствием воспринят митрополитом Иовом. Здесь сказано больше, чем написано. Церковные власти заявляли, что «государеву указу не преслушны», но про себя мыслили иначе и между собой допускали слова осуждения. Это двоемыслие было характерно не только для духовенства, но и для большинства людей переходного времени.

Подобная позиция не всегда была просто лукавством, а отражала индивидуальное восприятие нового в переходную эпоху. Новость – это то, что особенно хочется обсудить. В разговоре отношение к новшеству постепенно меняется, хотя бы потому, что со временем оно утрачивает новизну. Обсуждение царских указов было необходимым условием привыкания к петровской реформе. Любая беседа становится возможной и даже занимательной, когда ее участники неодинаково мыслят и говорят. Рискну предположить, что у многих и не было раз и навсегда определенного отношения к перемене традиционного внешнего вида. Оно менялось с течением времени. Таким образом, насильственность царского указа сопровождалась его неподконтрольным обсуждением как важнейшим условием привыкания к новому. Еще указ о введении венгерского платья не был объявлен в Новгороде, но молва уже донесла его до новгородцев. Сколько же было сказано современниками о новоуказном платье, если слухи об указе опережали его объявление в городах. В отписках стряпчих ничего не сказано о петровском указе брить бороды, зато пересказываются действия царя Петра по самоличному их искоренению.

Пересуды современников о введении иноземного платья были своеобразной формой восприятия реформы, без чего она никогда бы не могла быть принята населением. Это замечание не отвергает насильственности петровских указов, которые, несомненно, играли определяющую роль. Но и само население со временем привыкало к нововведению. В сентябре 1705 года служебнику Никифору Афанасьеву решили справиться новоуказную одежду и потратили ему «на кафтан, и на камзол и на штаны зеленого сукна» 8 R аршина – 5 рублей 78 коп.²¹ В ноябре того же года ему купили еще кафтан «немецкой поношен», чтобы ездить «в город», и крашенины на подкладку²².

В марте 1705 года стряпчий новгородского подворья Антип Тимофеев просил прислать ему «на немецкое платье денег, а без денег и без немецкого платья жить стало невозможно». Это выразительное «стало» подсказывает, что жизнь менялась. Несколько дней спустя он снова повторил свою просьбу: «на новообразцовое платье денег прислать сколько изволите». В черновике отписки стряпчий сначала написал «на новообразцовое платье и женишки», но затем вычеркнул упоминание о новом платье для своей жены, видимо, сочтя его чрезмерным²³. Этот факт косвенно свидетельствует о том, что новоуказанная одежда постепенно распространялась и среди женщин.

Разница между тем, что написано собственной рукой, а затем ею же зачеркнуто, составляет суть сомнений и надежд автора письма. Желание стряпчего видеть свою жену в иноземном платье, очевидно, не совпадало с таковым у монастырских властей. Что думала на этот счет сама жена, мы вообще не знаем. Новгородский воевода, церковные власти, монастырский стряпчий, его супруга должны были рассуждать обо всем этом по-разному. Эта неодинаковость убеждает, насколько далекими от действительности являются однозначно категоричные суждения исследователей о петровской реформе платья. У самих современников не было единого мнения на этот счет. Одно дело самое первое известие о новоуказной одежде, а другое – увидеть в ней самого государя и его свиту, обнаружить, что новую одежду уже носят соседи, начальство, достойные уважения люди.

В первое десятилетие XVIII века внешний вид новгородцев существенно обновился, но было бы преувеличением считать, что в нем ничего не осталось от старины. Требовались все новые и новые распоряжения, чтобы подтвердить новоуказную одежду и обновленный – безбородый – вид подданных. 3 января 1714 года в Новгород привезли очередной царский указ: «о нерощении бород и чтоб з бородами никто отнюдь не были, а кто похочет ходить з бородами, о платеже денег»²⁴. Бороды продолжали носить, а следовательно, и старомосковское платье, ведь московскую бороду и французский костюм можно совместить лишь на потеху себе или окружающим. Вслед за переменной одежды должна была измениться и манера носить платье, стиль поведения, мировоззренческие уста-

новки – все это категории более устойчивые, чем последние веяния парижской моды, поскольку проистекают из воспитания и жизненного опыта.

И все же год от года иноземное платье проникало вглубь народной жизни. В 1716 году кузнец Александро-Невского монастыря Степан Антипов получал в качестве жалования в Петербурге одежду смешанного русско-немецкого покроя: «шуба, кафтан и камзол», а также «сапоги и рукавицы»²⁵. В том же году приказчик монастырского села Помялова Г. Каменьщиков отложил часть своей одежды, которую не носил ежедневно в отдельный сундук. В описи сундука находим одежду разного покроя: русскую, польскую и «немецкую»: «кунтыш васильковый на белем мехи, камзол да штаны суконные коришного цвету», «килим мех заечильной новой», «кафтан немецкой лимонного цвету», «душегрейка зеленая» и проч.²⁶. В описи имущества крестьянина монастырского села Борович 1717 года И.Н. Звонарева значится «кафтан однорядошной немецкой зеленой»²⁷. Наличие в сундуке крестьянина немецкого кафтана объясняется тем, что он подряжался на поставку хлеба в Петербург и, следовательно, вынужден был общаться с властями. И.Н.Звонарев не сумел выполнить своих обязательств, почему самое ценное среди его имущества и было описано. В данном случае немецкий кафтан для крестьянина был одним из способов добиться выгодного для себя подряда.

Новшество петровской реформы платья состояло не только в перемене покроя и культурных ориентиров, но и в самой претензии власти регламентировать одежду подданных. Петр строил регулярное государство, вводя, в зависимости от своих вкусов и пристрастий, то венгерское, то немецкое, то французское платье. На протяжении веков внешний вид одежды зависел, в первую очередь, от традиции, а теперь – от государева указа.

Перемена платья при Петре по праву считается знаковой для всей эпохи преобразований: вместо отдельных элементов польской, немецкой или французской одежды вводился иноземный костюм как целое. Это было уже не просто проявлением интереса к иноземным обычаям, а отказ от своих.

Радикальная сущность реформы петровской реформы платья выростала из нововведений в этой области во второй половине

XVII века, а в целом переход от старомосковского платья к иноземным кафтанам и камзолам растянулся на несколько десятилетий. Без непосредственного участия самого общества перемена внешнего облика при Петре была бы немислима. Реформа одежды была важной частью всего петровского переворота, изменившего условия жизни подданных. Приспосабливаясь к новым условиям, люди сами стремились обзавестись новоуказной одеждой, ведь без нее не явишься в приказ и не получишь подряд на поставку хлеба в Петербург. При этом новшества не отменяли традицию моментально, а соседствовали с ней. В этом сказалась преемственность петровской реформы по отношению к предшествовавшему развитию страны.

¹ *Моисеенко Е.Ю.* Становление европейских форм мужского костюма в России в конце XVII – первой четверти XVIII века: Автореф. дис. Л., 1990; *Шамин С.М.* Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 1 (19). С 23–38.

² Архив СПбИИ. Ф. 181. Оп. 1. № 1443. Л. 138а.

³ Там же. Ст. 64 об.; ср. Ст. 136.

⁴ Об отмене охабней и однорядок указом царя Федора Алексеевича 1680 г. см.: Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2008. С. 502–515.

⁵ Архив СПбИИ. Ф. 132. Оп. 1. Картон 14. № 212.

⁶ Там же. Ф. 181. Оп. 2. № 41. Л. 77об. В 1665 г. на иверском подворье в Новгороде зачем-то была куплена «шпага немецкая» за 30 коп. (Там же. № 25. Л. 117).

⁷ Там же. Оп. 1. Картон 151. № 25. Л. 15об.

⁸ Там же. № 3454. Ст. 25; ср.: Ст. 3, 27, 32–32об.

⁹ Там же. № 3614. Ст. 118, 125.

¹⁰ Там же. Картон 153. № 4. Ст. 81–81об.

¹¹ Там же. Ф. 132. Оп. 1. Картон 50. № 82. Ст. 1.

¹² Там же. № 85. Ст. 1.

¹³ Там же. Ф. 181. Оп. 1. № 5140. Ст. 65.

¹⁴ Там же. № 5334. Ст. 39.

¹⁵ Там же. Оп. 2. № 491. Л. 22об. Стоимость сукна была высока – 2 рубля 25 коп.

¹⁶ Там же. Оп. 1. № 5348. Ст. 237.

¹⁷ Там же. № 5578. Ст. 115, 135.

¹⁸ Там же. Оп. 2. № 507. Л. 25об.

¹⁹ Там же. Оп. 1. № 5792. Сст. 254; см. также: Сст. 263 (беловик этого же письма).

²⁰ Там же. Ф. 132. Оп. 1. Картон 53. № 239. Сст. 1об.

²¹ Там же. Ф. 181. Оп. 2. № 538. Л. 17об.

²² Там же. Л. 23.

²³ Там же. Оп. 1. № 6150. Сст. 46, 54об.

²⁴ Там же. Кол. 2. Оп. 1. № 110. 1714 г. Книга записная царских указов новгородской приказной избы. Л. 2.

²⁵ РГИА. Ф. 815. Оп. 1. 1716 г. № 3. Л. 48.

²⁶ Там же. 1716 г. № 18. Л. 41.

²⁷ Там же. 1717 г. № 23. Л. 13об.